

Глава первая - Первый курс

В аудитории было тепло, несмотря на начало октября и первый учебный год на бакалавриате.

Элиас Кларк, 27-летний рецессивный омега, был вынужден заменять одного из основных профессоров на их первой паре в этом году.

Профессор Эйлен ушёл по болезни, что все на факультете понимали как код для ухода в течку, хотя вслух этого никто не говорил. Элиас не планировал начинать семестр перед сотней широко раскрытых глаз первокурсников, но кто-то должен был объяснить основы, прежде чем они начнут запускать симуляции, в которых едва разбираются.

Он поправил очки в золотой оправе, сползающие с носа, и тронул край консоли. Проектор моргнул и залил белую доску за ним стандартным треугольником.

Альфа. Омега. Бета.

Три точки. Три ярлыка.

Всё в этой стране — наследие, богатство, статус и божественность — до сих пор объясняется формой этого треугольника.

Элиас поправил записи и прочистил горло. «Это не занятие по этике. И не историческая лекция. Просто напоминание основ, которые вы должны знать, прежде чем мы начнём моделирование божественных интерфейсов на следующей неделе».

Несколько студентов при этом выпрямились, внезапно осознав, что это не будет свободный час. Ему было всё равно. Он пришёл не дружить с ними. Просто не дать программе развалиться.

«Альфа, — начал он ровным тоном, — это ген, проявляющийся у небольшой части населения. Менее десяти процентов классифицируются как альфы, и из них почти шесть процентов относятся к рецессивному подтипу. Высокий потенциал агрессии, раннее проявление и, статистически, более высокая вероятность совместимости с божественной энергией».

Несколько голов повернулось к задней части комнаты, где высокий студент слишком расслабленно сидел на своём месте, с напряжённой челюстью, явно осознавая внимание.

Элиас проигнорировал это.

«Они считаются наиболее вероятными кандидатами на божественность. Структурированные, доминантные и исторически связанные с властью. Целые кровные линии строятся на идее

произвести ещё одного альфу, который может вознестись».

Он щёлкнул слайд вперёд.

«Последний бог, известный как сошедший с земли, жил более трёхсот лет назад, из семьи Нумен».

Следующее изображение всплыло на экране — стилизованная картина, багровая и золотая, драматичная даже по историческим меркам. Фигура была в многослойных одеждах из красного бархата, руки распротёрты в благословении или предупреждении. Голова представляла собой выбеленный череп. Корона на его лбу была сделана из шести других, каждый из которых ухмылялся в безмолвном свидетельстве.

Несколько студентов заёрзали на местах.

«Он запомнился как Бог Разрушения, — продолжил Элиас ровно. — Как вы знаете, существуют разные теории вознесения: божественное наследование, ритуальные подношения и пробуждение кровной линии. Все они остаются недоказанными. Все считаются одинаково невозможными».

Он указал на слайд, не глядя.

«Он вознёсся после убийства другого бога. Затем убил ещё пятерых. Не ради силы и не ради мести. Просто потому, что мог».

Пауза. На этот раз он позволил тишине затянуться.

«Он был альфой».

Не было нужды объяснять дальше. Все в комнате знали эту историю. Она была в учебниках, на государственных экзаменах и в шепотливом страхе на каждом гранте по божественным исследованиям.

Элиас щёлкнул снова, и слайд уступил место следующему.

«Омеги».

Слово зависло на экране — простое и клиническое. Несколько студентов снова подняли взгляд, кто из любопытства, кто рефлекторно. Это имя, омега, несло слишком много веса, чтобы его игнорировать, сколько бы графиков ни пытались свести его к биологии.

«Омеги стоят сразу после альф по божественной совместимости, — сказал Элиас, голос оставался ровным. — В то время как альфы обычно возносятся через структурированные генетические пороги, омеги менее предсказуемы. Их проявления варьируются. Их божественный резонанс хаотичен, а совместимость колеблется, но нестабильно».

Он сделал паузу, позволяя этому осесть.

«Они считаются нестабильными. Не слабыми, не низшими. Просто... более склонными сжигать систему, а не интегрироваться с ней».

Экран снова сменился, на этот раз на график с кривыми резонанса. Зубчатая красная линия прорезала поле более мягких бета-показателей.

«Подтверждённых богов-омег за последние пятьсот лет нет, — сказал Элиас, — но три из самых нестабильных божественных разрывов в истории начались с омега-испытаний».

«Есть причина, по которой большинство божественных инфраструктур тестируется бетами до того, как доминантные участники могут к ним приблизиться. Есть причина, по которой этот факультет требует допуска, прежде чем даже рассматривать исследования под руководством омег».

Он щёлкнул ещё раз.

Рецессивные.

Слово появилось одно, без диаграммы, без графика.

«Они не фигурируют на большинстве диаграмм, — сказал Элиас. — Они не вызывают всплесков божественного резонанса. Большинство даже не проявляет вторичный пол, а те, кто проявляет, легче справляются со своим гендером, чем доминантные».

Он аккуратно сложил руки перед собой.

«Их считают безопасными».

Он сделал паузу на секунду, позволяя тишине улечься, прежде чем продолжить, голос ровный.

«А беты... они, как и большинство из вас, обычные люди. Они живут своей жизнью, выбирают бога, которому служат на земле, и следуют за ним в загробной жизни».

Он не стал смягчать. В этом не было смысла. Такова была реальность, которой их всех учили:

статистически большинство из них никогда не вознесутся, не зажгут искру и не разорвут мир в поисках чего-то божественного. И по большей части это было утешительно.

Никто не ответил. Несколько студентов опустили взгляд. Одна девушка-бета в первом ряду медленно моргнула, будто тихая правда этого только что настигла её.

Элиас выключил слайд. Экран погас.

«Это всё, — сказал Элиас, собирая планшет. — Вы начнёте моделирование интерфейсов на следующей неделе».

Студенты выходили: кто-то быстро, кто-то медленнее, ожидая друзей, всё ещё перешёптываясь о картине Бога Разрушения. Несколько задержались, чтобы оглянуться на экран, теперь тёмный, будто он мог вспыхнуть чем-то ещё.

Элиас остался, позволив комнате опустеть, прежде чем двинуться с места. Он не любил выходить в толпе.

Он медленно укладывал вещи, гул ламп над головой сейчас казался слишком громким. Планшет в сумке один раз завибрировал. Он проигнорировал. Потом снова, резче, будто не толчок, а удар.

Он достал его и взглянул на экран.

Элиас застыл.

<http://bllate.org/book/17662/1645895>